



ГАРРИ
ГАРРИСОН



К западу от Эдема
Зима в Эдеме
Возвращение в Эдем



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Г 21

Harry Harrison
WEST OF EDEN

Copyright © 1984 by Harry Harrison
WINTER IN EDEN

Copyright © 1986 by Harry Harrison
RETURN TO EDEN

Copyright © 1988 by Harry Harrison
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского Юрия Соколова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Иллюстрации Билла Сандерсона

© Ю. Соколов, перевод, 2016
© Билл Сандерсон, иллюстрации, 1984, 1986,
1988
© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12308-3

И насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке,
и поместил там человека, которого создал.

Бытие 2: 8

И пошел Каин от лица Господня и поселился
в земле Нод, на восток от Едема.

Бытие 4: 16

Из всех существ, что населяли когда-либо Землю, самый долгий век выпал на долю громадных пресмыкающихся. Целых сто сорок миллионов лет на Земле господствовали рептилии, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками вроде землеройки; крупные, быстрые и более смышленые завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменилось. Метеорит диаметром целых шесть миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет.

Ну а если бы не метеорит? Каким оказался бы наш мир?

К западу от Эдема



ПРЕДИСЛОВИЕ КЕРРИКА

Я перечел эти страницы и искренне уверяю: именно такова истинная история нашего мира.

К этому убеждению я пришел нелегким путем. Всякий может сказать, что мой взгляд на мир очень узок. Я родился у озера, в небольшом поселении, нас было три семьи. В теплое время мы жили на берегу озера, богатого рыбой. И мое первое воспоминание: с берега гляжу на высокие горы за озером, а на вершинах белеет первый снег новой зимы. Когда этот снег спускался вниз и покрывал наши шатры, наставало время охотникам отправляться в горы. И я торопился вырасти, торопился стать охотником на оленя и большого оленя.

Этот мир простых удовольствий исчез навсегда, все переменилось — увы, не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью от одной только мысли: все, что было со мной, сгинуло, забылось. Этот глупый мир глубоко переменился. То, что давало мне всю полноту бытия, оказалось крошечным закоулком реальности, а огромное мое озеро и высокие горы за ним — кусочком великого континента, разделявшего два океана. Я знаю про Западный океан: там рыбачили наши охотники, они говорили.

О мургу я узнал прежде, чем встретил первого из них. И тогда уже научился их ненавидеть. Наша плоть горяча — они холодны. И у нас на голове растут волосы, гордость охотника — борода... Животные, которых мы убиваем, тоже теплокровны и покрыты шерстью, но мургу не такие. Гладкие, прохладные, покрытые чешуей... у них когти и зубы — чтобы рвать и терзать. Они — огромные и ужасные, вид их вселяет трепет. И ненависть. Я знал, что живут они на юге, в теплых океанских водах и на берегу моря. Они не выносят холода и до недавних времен не беспокоили нас.

Но все изменилось, изменилось невероятно, прежних времен не вернуть. Увы, теперь мне известно, что наш мир — капля, окруженная огромным морем мургу. Мы живем на севере большого континента, далеко на юге он соединяется с южным. И на всей этой земле от океана до океана кишмя кишат мургу.

Впрочем, это не самое худшее. Там, за Западным океаном, лежат континенты еще более обширные. По ним не бродят охотники. Ни одного. Там только мургу, одни мургу. Весь мир, кроме наших гор, принадлежит им.

Но я еще не поведал самого главного о мургу. Они ненавидят нас, как и мы их. Но все бы ничего, если бы все мургу были неразумными. Тогда мы сумели бы укрыться от них на своем севере.

Но есть и другие мургу, разумные, как охотники, и свирепые, как охотники. Их не сосчитать, достаточно будет вам знать, что им-то и принадлежат все земли нашего огромного мира.

Повествование мое нерадостно, не слишком приятно говорить такое, но случившееся должно быть известным.

Я расскажу о нашем мире, об отряде охотников, очутившихся на дальнем юге, и о том, с чем они там столкнулись. И обо всем, что произошло потом, когда мургу — хозяева мира — обнаружили, что он принадлежит не им одним, как они считали от века.

Книга первая





1

Isizzo' fa klabra massik, den sa rinyur owot meth alpi.

Плюнь в лицо зиме: все равно умрет весной.

Амагаст уже не спал, когда первые лучи зари тронули океан. Над головой догорали самые яркие звезды. Он знал, что они — тхармы мертвых охотников — каждый вечер высыпают в небесных полях. Но наступала пора даже припозднившимся следопытам, лучшим из лучших добытчиков и храбрецов, прятаться от лучей. Яркое солнце южных краев ничем не напоминало привычное для охотников вялое северное светило, еле согревавшее заснеженные леса под бледным небом. Казалось, это совсем другое солнце. Но перед восходом у воды было прохладно и приятно. Так будет недолго. С первыми лучами жара вернется. Амагаст почесал на руке укусы и стал ждать рассвета.

Из тьмы постепенно проступали очертания деревянной лодки. Суденышко оттащили на песок дальше сухих веток и ракушек, очертивших границу самого высокого прилива. Около лодки темнели силуэты его спавших спутников, четверых из его саммада, ушедших с ним на далекий юг. Амагаст с горечью подумал — один из них, Дайкин, умирает... скоро их останется только трое.

Кто-то из мужчин проснулся и, всем телом опираясь на копье, медленно поднялся на ноги. Старик Огатир. Руки и ноги его сковала болезнь — сырость и холод многих зим. С копьем в руке встал и Амагаст. Мужчины сошлились и направились к водяным ямам.

— Сегодня жарко будет, курро, — произнес Огатир.

— Здесь каждый день жарко, старый. Тебе везет. Солнце испеплит твои кости.

Медленно и осторожно они подступали к черной стене леса. Высокая трава шелестела от утреннего ветерка. Какие-то лесные твари обсыпали верхушки невысоких пальм и, отыскивая воду, разрыли под ними землю. Охотники углубили ямы вчера вечером, и теперь они были до краев полны чистой пресной воды.

— Пей вволю, — приказал Амагаст, встав лицом к лесу.

Огатир кряхтя опустился на землю и жадно припал к воде.

Ночные звери еще могли таиться поблизости в тени деревьев, и Амагаст стоял наготове, крепко стиснув копье. Воздух был полон запахов гниющей растительности, к ним примешивался ароматочных цветов. Утолив жажду, на страже стал старик, и Амагаст окунул лицо в чистую воду. Напившись, он расправился и долго плескал на себя, смывая пот и грязь вчерашнего дня.

— Следующая ночевка будет последней. Завтра же утром поворачиваем обратно, по своим следам, — бросил через плечо Огатир, не отводя глаз от кустов и деревьев.

— Так ты говорил. Но какая разница — еще один день или несколько?

— Время возвращаться. Каждый закат я завязывал узелок на шнурке. Дни стали короче, я знаю. Новый закат наступает все раньше, солнце слабеет, не может взлететь высоко на небо. Начинает меняться ветер, это и ты мог заметить. Все лето он дул с юго-востока. Все... Помнишь прошлый год, бурю?.. Она едва не потопила лодку и повалила целый лес. Тогда она пришла тем же путем. Пора возвращаться. Я все запомню, завяжу узелки на шнурке.

— Я знаю, ты умеешь, старый. — Пальцы Амагаста пробежали по густой шевелюре. Волосы ложились на плечи, а влажная окладистая светлая борода ниспадала на грудь. — Но ты знаешь, что наша лодка еще не полна.

— Вяленого мяса много...

— Недостаточно. Чтобы протянуть зиму, нам нужно больше. Охота была плохой. Потому мы и забрались далеко на юг. Нужно мясо.

— Еще один день, и надо поворачивать. Больше нельзя. Путь в горы далек и труден.

Амагаст не ответил. Он уважал Огатира за мудрость: старик знал, как делать орудия, умел отыскивать чудесные растения. Знал он и обряды, предваряющие охоту, и заклинания, которые отгоняют духов усопших. Он помнил события своей жизни и многих жизней до него. Старики рассказывали, а он запоминал и сам уже мог рассказывать от восхода солнца до заката, но так и не закончить

повествование. Но было и нечто такое, чего старый не помнил и что беспокоило Амагаста, поскольку требовало новых решений.

Зимы, морозные зимы, свирепые, бесконечные зимы... Дважды уже должна была прийти весна: день удлинялся, солнце светило жарче, но весна все не приходила, глубокие снега не таяли, лед по-прежнему сковывал ручьи. Начался голод. Олень и большой олень ушли на юг из привычных долин и с горных лугов, стиснутых жестокой рукой зимы. Амагаст повел свой саммад вслед за животными на широкие равнины, иначе охотников ждала голодная смерть. Но охота давала скучное пропитание — стадам тоже досталось в эту ужасную зиму. И беда навалилась не только на них. Они встречали охотников из других саммадов, и не только тех, с которыми были связаны родственными узами, но и таких, с кем еще не приходилось встречаться. Эти люди странно произносили слова марбака или вовсе не говорили на нем и в гневе потрясали копьями, но все-таки они были тану, а тану прежде не воевали между собой. Раньше такого не было. А тут вдруг стало. И кровь тану обагрила каменные наконечники копий. Амагаста это тревожило не менее, чем бесконечные зимы. Копье — чтобы охотиться, нож — чтобы свежевать добычу, огонь — для приготовления пищи. Так было всегда. Тану не убивают тану. Чтобы самому не нарушить обычая, он увел свой саммад с гор; день за днем они шли к восходящему солнцу и не останавливались, пока не дошли до соленых вод великого моря. Он знал, что путь на север закрыт: Северный океан ограждали льды; лишь парамутаны, народ, что плавает в обтянутых шкурами лодках, как-то выживают в этих стылых краях. Можно было идти на юг, где леса переходят в джунгли, где никогда не выпадает снег, но где кишат мургу, а где мургу, там смерть.

Оставалось одно только бурное море. Исстари люди его саммада умели сооружать лодки для летней рыбалки, но никогда прежде не осмеливались они уходить в море, теряя из виду берега, или удаляться в лодке вдоль побережья от знакомых мест. Этим летом пришлось. Одних вяленых каракатиц на всю зиму не хватит. Если охота окажется такой же плохой, как и прошлой зимой, никому из них до весны не дожить.

Оставался юг, опасный юг — другой дороги не было. Оставалось охотиться на побережье или на недалеких островах, вечно опасаясь мургу...

Проснулись и остальные. Солнце всходило. Край его выступил над горизонтом, и из глубин джунглей донеслись первые крики зверей. Пора пускаться в плавание.

Амагаст одобрительно кивнул, когда Керрик поднес ему кожаный мешок и извлек из него горсть эккотаца — мешанины из тертых орехов и сушеных ягод. В одну руку Амагаст принял дар, другой взлохматил густые волосы на голове сына. Его первенец. Скоро станет взрослым и получит мужское имя. Но пока еще мальчик, хоть высокий и сильный. Прежде белая, кожа его теперь золотилась: как и все, он был только в набедренной повязке из оленьей шкуры. На шее на прочном кожаном шнурке висел нож из небесного металла, такой же, как у Амагаста, только поменьше. Эти ножи были тупее каменных, однако ценились высоко. Всего двумя ножами из небесного металла располагал весь их саммад. Керрик улыбнулся отцу. Ему было восемь, и он впервые охотился с мужчинами. События более важного еще не случалось в его жизни.

— Напился вволю? — спросил Амагаст.

Керрик кивнул. Он знал, до заката воды не будет. Охотник должен был привыкнуть и к этому. Раньше он жил вместе с женщинами и детьми, мог пить воду когда заблагорассудится и, проголодавшись, всегда мог отыскать горсточку ягод или сочные коренья. Все. Теперь он с охотниками и должен научиться жить, как они, — обходиться без питья и еды с рассвета и до темноты. Он гордо подхватил свое небольшое копье.

Вдруг в джунглях раздались треск сучьев и крики. Мальчик испугался, но старался не подавать виду.

— Сталкивайтесь лодку! — приказал Амагаст.

Люди повиновались: крики раздавались все громче и ближе. Грузить в лодку было особенно нечего: копья, луки и колчаны со стрелами, бурдюки и мешки с эккотацем. Лодку быстро столкнули в воду. Рослый Хастила и Огатир придержали ее, пока мальчик, бережно держа раковину, в которой тлели угольки утреннего костра, не вскарабкался на борт.

На берегу Дайкин с трудом поднимался на ноги, стараясь последовать за остальными, но сегодня силы совсем оставили его. Он побледнел от усилий, на лице выступили крупные капли пота. Подошедший Амагаст склонился над ним и углом оленьей шкуры обтер лицо раненого товарища.

— Отдохни. Мы перетащим тебя в лодку.

— Не надо, если не смогу сам, — с трудом прохрипел Дайкин. — Вам легче будет, если я останусь здесь. И мне легче.

Его левая рука была очень плоха. Два пальца откусило чудовище, во мраке ночи напавшее на стоянку. Даже не узнав, с кем пришлось иметь дело, люди отогнали его копьями в темноту. Сна-

чала рана Дайкина не казалась слишком серьезной: охотники выживали и после худшего, — а для него сделали все, что было в человеческих силах. Рану промыли в морской воде, пока кровотечение не ослабело, потом Огатир перевязал ее, покрыв целебным мхом, собранным в дальних высокогорных урочищах. Но рана оказалась хуже, чем они думали. Плоть его сперва побагровела, потом почернела, и чернота поползла вверх по руке; воняло от нее просто ужасно. Он скоро умрет. Амагаст перевел взгляд с распухшей руки на зеленую стену джунглей.

— Когда сюда явятся звери, мой тхарм уже будет далеко, — произнес Дайкин, проследив за направлением взгляда Амагаста.

Правая рука его была скжата. Когда он на миг разжал кулак, блеснул острый осколок камня — скребок, которым свежают и разделывают туши. Достаточно острый, чтобы вскрыть вену на руке.

Амагаст медленно распрямился и стряхнул песок с коленей.

— На небе я буду искать тебя, — произнес он тихим голосом, так, чтобы слышал один умирающий.

— Ты всегда был мне братом, — ответил Дайкин.

Когда Амагаст отошел, он закрыл глаза и отвернулся, чтобы каким-либо знаком не поманить охотников назад...

Лодка тихо покачивалась на волнах. Доброе и прочное суденышко было выдолблено из ствола огромного кедра. Керрик сидел на корме, поддерживая огонь в маленькой жаровне, поставленной на камни. Взметнулись языки пламени, послышался треск — огонь охватил подложенные им ветки. Мужчины уже вдели весла между колышками из дерева тхоле и были готовы гребсти. Амагаст через борт перевалился в лодку. Глаза всех были обращены к оставшемуся на берегу охотнику, но ни слова не было произнесено. Так полагалось. Охотник не показывает боли... жалости тоже. Каждый мужчина вправе выбрать время, когда тхарм его поднимется в ерман, ночное небо, где его встретит Ерманпадар, отец и небесный правитель. Там, среди звезд, встречаются тхармы ушедших охотников. Такое право принадлежало каждому, и говорить было не о чем: кто мог помешать охотнику? Даже Керрик уже знал об этом и потому молчал, как и все остальные.

— Навались! — приказал Амагаст. — Правь на остров!

Неподалеку виднелся невысокий, поросший травой островок, преграждавший путь волнам. Его высокий южный берег покрывали деревья. Трава и тень сулили добрую охоту. Если только там не окажутся мургу.

— Поглядите-ка! — крикнул Керрик, показывая на воду.

Под ними проплывала огромная стая хардалтов, за их прикрытыми раковинами телами тянулись щупальца. Хастила схватил копье и застыл над водою.

Это был рослый охотник, выше Амагаста. Несмотря на огромный рост, он двигался ловко и быстро. Он выждал немного и вдруг молниеносно вонзил копье в волны — так что рука его по локоть оказалась в воде, — а потом так же быстро вскинул копье вверху.

Удар был меток — в мягкое тело прямо за раковиной, и хардалт оказался на дне лодки, щупальца его слабо подрагивали, из пробитого копьем мешка сочилась черная жижа. Все радостно расхочатались. Верное имя — Хастила, Копье-Зажатое-в-Руке. Копье, которое не промахнется.

— Хорошая еда, — проговорил Хастила, ставя ногу на раковину и освобождая копье.

Керрик был возбужден. Все так просто: один быстрый удар — и готово, вот он — огромный хардалт, которого хватит всем на целый день. Он взял свое копье за конец, как Хастила. Оно было в два раза короче копья взрослого охотника, но наконечник был столь же острий. Хардалты не ушли, они тесно окружали лодку, а один как раз всплыл под кормою.

Керрик с силой ударили. Острие вошло в чье-то тело. Схватив копье двумя руками, он потянул добычу вверх. Деревянное древко дергалось у него в руках, но он, посурорев, упорно тянул.

Вода возле лодки вспенилась, забурлила, и показалась скользкая голова. Керрик выпустил копье и упал навзничь. Распахнулись огромные челюсти, два ряда зубов оказались так близко, что на мальчика пахнуло гнусным дыханием чудовища. Острые когти впились в борт, вырывая куски дерева.

Но Хастила не сплоховал, его копье ударило в открытую пасть — раз, другой. Мараг заревел, брызнула кровь. Челюсти сомкнулись, и на мгновение Керрик увидел перед собой круглый немигающий глаз.

Миг — и чудовище ушло под воду, оставив на поверхности кровавую пену.

— Гребите к острову! — приказал Амагаст. — За этим придут другие, крупнее... Как мальчик?

Огатир плеснул горсть воды в лицо Керрику и умыл его.

— Просто перепугался, — проговорил он, глядя на осунувшегося мальчика.

— Удачлив, — мрачно сказал Амагаст, — счастье приходит однажды. Впредь не станет наобум тыкать копьем.

«Никогда!» — едва не выкрикнул Керрик, глядя на разбитый в щепу борт. О мургу он слыхал, видел в ожерельях их когти, трогал разноцветный и гладкий мешок, выкроенный из шкуры одного из них. Но рассказы о мургу не пугали по-настоящему, трудно было представить чудовище ростом до неба: зубы как копья, глаза словно булыжники, когти — ножи. А тут он испугался. Он отвернулся: на глазах выступили слезы, а он не хотел, чтобы их заметили, и молча кусал губы, пока они медленно приближались к берегу. Вдруг оказалось, что лодка всего лишь хрупкая скорлупка в полном чудовищ море, и он отчаянно захотел очутиться на твердой земле. Когда под лодкой заскрипел песок, он чуть не вскрикнул от облегчения. Пока остальные вытаскивали лодку из воды, он смывал с себя кровь марага...

Притаившись в траве над откосом, Амагаст изучал остров. Вдруг он тихо зашипел сквозь зубы — сигнал охотника, — и все замерли. Саммадар жестом приказал всем лечь, потом подозвал к себе. Раздвигая перед собой траву, Керрик пополз за остальными.

Олени. Целое стадо невысоких животных паслось на расстоянии полета стрелы. Раздобревшие на сочных травах, они медленно передвигались, длинные уши подергивались, отгоняя жужжавших вокруг мух. Расширив ноздри, Керрик принюхался — до него доносился сладкий запах животных.

— Идем медленно вдоль берега, — сказал Амагаст. — Ветер к нам — не почуют. Подберемся.

Пригнувшись, он побежал первым, остальные за ним, Керрик замыкал цепочку.

Прячась за откосом, охотники достали стрелы и натянули тетивы, а потом одновременно вскочили и выстрелили.

Стрелы летели точно: пара зверей упала, третий, раненый, зашатался. Маленький олененок со стрелой в боку рванулся в сторону. Амагаст кинулся следом и быстро нагнал его. Олененок повернулся на месте, угрожающе наставив крошечные рожки, но Амагаст, расхочевшись, прыгнул вперед, схватил за них и дернул. Зверь фыркнул, пошатнулся и заблеял, теряя равновесие. Когда подбежал Керрик, Амагаст уже запрокидывал голову животного на спину.

— Бери копье, убивай. Первый раз. В горло, сбоку, воткни глубже, потом поверни.

Керрик так и поступил; олененок закричал в агонии, алая кровь окропила руки Керрика. Кровью гордятся. Он еще глубже вонзил копье; зверь задрожал мелкой дрожью и затих.

— Отлично! — с гордостью произнес Амагаст. Тон его означал, что про морского марага забыто.

Разделывая добычу, охотники хохотали от радости. Амагаст показал на юг, в сторону более высокой части острова.

— Донесем до деревьев, там развесим и провялим.

— Будем еще охотиться? — спросил Хастила.

Амагаст покачал головой:

— Нет, завтра нам возвращаться. Чтобы разделать и прокоптить сегодняшнюю добычу, нужны день и ночь.

— Есть будем, — произнес Огатир, облизываясь. — Больше в желудке — меньше на плечах!

Под деревьями было прохладнее, но зато не было отбоя от каких-то кусачих мух. Оставалось только отмахиваться и умолять Амагаста поторопиться с костром.

— Освежуйте, — велел он, пнув ногой поваленное дерево. Ствол развалился в труху. — Прогнило. Здесь нечего жечь. Огатир, принеси из лодки огонь, накорми его сухой травой к нашему возвращению. Мы с мальчиком соберем плавник.

Оставив на земле лук и стрелы, он взял копье и направился в сторону океана. Сделав то же самое, Керрик последовал за ним.

Берег был широким, белый песок слепил, словно снег. Вдали на отмели пенились буруны, разбившиеся валы невысокими волнами катили к берегу. Там, куда уже не мог дотянуться прибой, валялись щепки, изломанные губки, разноцветные раковины, фиолетовые улитки, длинные зеленые пучки водорослей, осыпанные крошащимися крабами. Мелкие ветки, принесенные морем, не стоили внимания, и люди направились к холмам, от которых уходил в воду каменистый берег. Легко поднявшись по склону, они увидели в просветах между деревьями уютную бухту. С противоположной стороны на песке нежились какие-то существа — должно быть, тюлени.

И в тот же самый миг они заметили, что из-за ближайших деревьев кто-то тоже следует за бухтой. Должно быть, охотник. Амагаст уже был готов окликнуть его, когда тот выступил из тени.

Слова сразу застряли в горле, все мышцы оцепенели. Это был не охотник, не человек, нет. Фигура хоть и напоминала человеческую, но казалась мерзким подобием тану.

Существо было нагим и безволосым, начинавшийся на голове пестрый гребень сбегал на спину. Яркое солнце освещало отвратительную шкуру, покрытую пестрыми чешуями.

Мараг. Не такой большой, как населявшие джунгли гиганты, но тем не менее мараг. И как свойственно их роду, он стоял непо-

движно, словно окаменел. А потом медленно стал поворачивать голову, пока наконец не оказались обращенными к ним его круглый и невыразительный глаз и массивная выпяченная челюсть. Охотники застыли подобно мургу, крепко стиснув копья. При таком повороте головы мараг не заметил среди деревьев их безмолвные силуэты.

Амагаст шевельнулся, лишь когда существо вновь обратило свой взгляд к океану. Бесшумно шагнув вперед, он поднял копье. Когда существо заподозрило или наконец услышало что-то, Амагаст уже успел добраться до края рощи. Чудовище резко повернуло голову и взглянуло в лицо человеку.

Охотник с размаху всадил каменный наконечник прямо в лишенный век глаз. Копье глубоко вошло в мозг. Содрогнувшись всем телом, мараг рухнул. Он умер, еще не коснувшись земли. Амагаст извлек копье и обернулся, разглядывая склон и берег позади. Поблизости никого не было.

Керрик подошел к отцу, встал рядом с ним и молча поглядел на труп.

Существо было грубой и мерзкой пародией на человека. Красная кровь еще сочилась из пробитой глазницы, другой глаз был безжизненно обращен вверх вертикальной прорезью зрачка. Носа не было, просто дырки. В раскрывшейся в короткой агонии пасти белели остроконечные зубы.

— Что это? — спросил Керрик дрожащим голосом.

— Не знаю. Какой-то мараг. Небольшой. Таких я еще не видел.

— Но он стоял и ходил, словно человек, тану. Он из мургу, отец, но руки его похожи на наши.

— Не совсем. Сосчитай. Раз, два, три пальца и большой палец. Нет, смотри, только два пальца и два больших.

Оскалившись, Амагаст глядел на существо. Кривые и короткие ноги с плоскими ступнями и когтями на пальцах, короткий толстый хвост. Смерть скорчила лежавшее на земле тело. Амагаст ногой перевернул его. Еще одна тайна, подумал он: в руках ящер держал длинную узловатую палку.

— Отец — берег! — крикнул Керрик.

Спрятавшись за деревьями, люди следили, как прямо перед ними из моря выбирались какие-то существа.

Мургу было трое. Двое из них очень напоминали убитого, третий, жирный, был крупнее и передвигался медленно. Первые двое подталкивали его. Крупный мараг забулькал дыхательными отверстиями, а потом медленно и лениво почесал брюхо когтями ноги. Один из мургу, поменьше, замахал лапами и резко зацокал.

Гнев душил Амагаста, он едва не задохнулся от отвращения. Ненависть ослепила его, и, не думая о последствиях, он бросился вниз по склону, вскинув копье.

Через какой-то миг он оказался возле мургу и ударил копьем ближайшего. Ящер увернулся от удара — острый наконечник копья только разодрал кожу на ребрах. Чудовище открыло рот и попыталось убежать. Следующий удар Амагаста был точным...

Вырвав копье, Амагаст обернулся — второй мараг с плеском бросился в воду. Но вдруг раскинул лапы и повалился вперед: маленькое копье неожиданно настигло его.

— Меткий бросок, — похвалил Амагаст сына.

Убедившись, что ящер мертв, он извлек копье и отдал Керрику.

Теперь оставался только жирный и крупный мараг. Глаза его были закрыты, он словно не замечал происходящего вокруг.

Когда копье Амагаста проткнуло его бок, он закричал почти по-человечески. Тварь вся заросла жиром — охотник колол и колол... Наконец мараг замер на песке. Покончив с ним, Амагаст оперся на копье и с презрительностью поглядел на убитых: ненависть еще владела им.

— Твари! Их надо убивать! Мургу — не мы. Гляди: пятна на шкуре, шерсти нет, холода боятся, ядовиты, в пищу даже не годятся. Когда попадаются, надо убивать! — рычал он, и Керрик лишь кивал в знак согласия, ощущая такое же глубокое и бездумное отвращение.

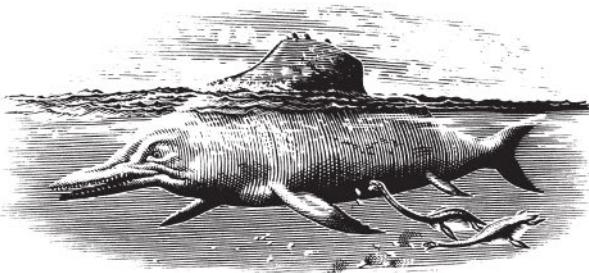
— Иди приведи остальных! — приказал Амагаст. — Быстро! Смотри, на том краю бухты другие. Надо убить всех...

Вдруг убитый мараг шевельнулся хвостом, и Амагаст снова занес копье.

Нет! Хвост не двигался, что-то шевелилось у его основания, там была какая-то щель, открывавшаяся, словно сумка. Острием копья Амагаст ткнул туда, и его замутило от одного вида бледных созданий, посыпавшихся на песок.

Сморщеные и слепые, похожие на взрослых... Значит, детеныши. Задыхаясь от гнева, он топтал их ногами.

— Всех, всех передавлю! — бормотал он, а Керрик уже мелькал между деревьями.



2

Ende hante'hei, ate' Eemboke'ka iirubushei kaksheise', he'awahei; he'vei'ihei, kaksheinte', enpeleiuu asahen enge.

От отцовской любви уйти в объятия моря — вот первая боль жизни, а первая радость — подруги, что ждут там тебя.

Энтиисенат резал волны громадными плоскими плавниками. Он приподнял голову — вода заструилась по темной шкуре; голова на длинной шее поднималась все выше, энтиисенат огляделся по сторонам — и, заметив за собой огромный силуэт, торопливо ушел под воду. «Стайка кальмаров», — радостно зацокал второй энтиисенат. Массивные хвосты заколыхались, и ящеры рванулись за добычей; могучие гиганты, для которых не было преград, разинули широкие пасти.

Выбрасывая струи воды, кальмары бросились в разные стороны. Некоторые из них спаслись в чернильных облаках, но большинство нашло смерть в ненасытных плоских пастих, проглоченные в один миг. Насытившись, гиганты повернули назад.

Неподалеку океан бороздило еще более огромное существо. Вода перехлестывала через его спину, пенилась вокруг громадного спинного плавника. Приблизившись к нему, энтиисенаты нырнули и пристроились рядом, стараясь держаться возле чудовищного, усеянного зубами клюва. Урукето, должно быть, увидел их, глаз его, медленно поворачиваясь, следил за обоими, черный зрачок обрамляло костяное кольцо. Неторопливый мозг чудовища соображал медленно, клюв приоткрылся, потом распахнулся пошире.

Один за другим энтиисенаты подплыли к разверзшейся пасти и, по очереди просунув головы в колossalную полость, извергли только что проглоченных кальмаров. Опустошив желудки, они от-

валились в сторону, загребая сильными плавниками. Челюсти позади сомкнулись так же неторопливо, как открылись. Урукето не спеша продолжал путь.

Большая часть массивной туши находилась под водой, только спинной плавник взрезал поверхность вод. Вздымаясь над волнами, плоская верхушка его, морщинистая и высохшая, была покрыта белыми пятнами экскрементов морских птиц и шрамами от ран, оставленных острыми клювами. Одна из птиц как раз опускалась на верхушку плавника, расправив огромные белые крылья и выставив вперед перепончатые лапы. Вскрикнув, птица вдруг метнулась назад: сверху на плавнике открылась узкая щель. Она увеличивалась, расходилась во всю длину — громадный ход внутрь живой плоти, — из него пахнуло спертым воздухом.

Отверстие все ширилось, пока наконец иилане' не смогла прокуснуть в него плечи. Второй офицер, она несла вахту. Поднявшись на невысокий костный карниз, огибавший плавник изнутри, она с наслаждением вдохнула свежий морской воздух, покрутила головой во все стороны. Удовлетворенная, она спустилась вниз, где иилане', выполнившая сегодня обязанности кормчего, внимательно смотрела в прозрачный круглый диск прямо перед собой. Первая иилане' поглядела на светившуюся в полумраке иглу компаса и заметила, что они отклонились от курса. Кормчая потянулась в сторону, защипнула узел нервного окончания в плавнике и стиснула его. Дрожь сотрясла все «судно»: полуразумное существо повиновалось. Вахтенная кивнула и отправилась вниз, в длинную пещеру. Расширяясь, зрачки ее быстро приспосабливались к темноте.

Помещение в живом теле урукето, проходившее от головы до хвоста, освещали только фосфоресцировавшие пятна на стенах. Сзади, почти в полной тьме, лежали со связанными ногами иилане'-узницы; коробки с припасами, емкости с водой отделяли их от пассажиров и экипажа, располагавшихся впереди.

Вахтенная подошла к капитану и отрапортовала. Эрефнаис оторвалась от светившейся карты, которую держала в руках, и одобрительно кивнула. Удовлетворенная, она свернула карту и направилась вверх, к плавнику. Эрефнаис слегка прихрамывала: давала знать о себе детская травма спины, там до сих пор проступали морщинистые шрамы. Только великие способности позволили ей достичь высокого положения капитана при таком физическом недостатке. Наверху она тоже принялась оглядываться, глубоко вдыхая свежий морской воздух.

За спиной пропадали из виду берега Манинле. Впереди, на горизонте, едва виднелась цепь невысоких островов, тянущаяся с юга на север. Склонившись вниз, она заговорила самым формаль-

ным тоном. Приказы она отдавала тверже и решительнее. Сейчас этого не требовалось. Она говорила вежливо и безлично, как иила-не' низшего ранга следует обращаться к вышестоящей. А ведь она командовала судном... Значит, та, к которой она обращалась, занимала воистину высокое положение.

— Есть на что поглядеть, Вейнте'.

С этими словами она шагнула в сторону, уступая дорогу. Вейнте' стала осторожно подниматься по ребристой внутренности плавника, за ней следовали еще двое иилане'. Вейнте' приникла к краю отверстия. Открывая и закрывая ноздри, она вдыхала острый, соленый морской воздух. Эрефнаис с восхищением глядела на нее, в этот миг Вейнте' была воистину прекрасна. Даже если не знать, что она поставлена во главе нового города, по любому движению сразу можно было догадаться о ее истинном положении. Не замечая восхищенных взоров, Вейнте' гордо стояла, запрокинув голову и выставив вперед нижнюю челюсть; под жгучими лучами солнца зрачки ее сузились в вертикальные щелки. Сильными руками она крепко держалась за плавник урукето, для равновесия широко расставив ноги, ее причудливый ярко-оранжевый гребень изредка подергивался. Она рождена, чтобы повелевать, — это чувствовалось в каждом движении ее тела.

— Скажи мне, что там впереди, — отрывисто произнесла Вейнте'.

— Цепь островков, высочайшая. Имя их соответствует сути. Алакас-Аксехент — золотые камни, идущие друг за другом. Песок и вода на них теплые в любое время года. Острова цепочкой протянулись к материку. Там, на берегу, и растет новый город.

— Алпеасак. Прекрасные пляжи... — прошептала Вейнте', едва шевельнув губами. — Моя судьба. — Она повернулась лицом к капитану. — Когда мы прибываем?

— Сегодня к вечеру, высочайшая. Но еще до заката. Теплое океанское течение быстро несет нас вперед. Кальмаров вокруг в изобилии, и энтиисенат, и урукето сыты. Иногда даже слишком сыты, но это трудности капитана в дальнем походе. За ними приходится следить, иначе они не станут торопиться и мы прибудем...

— Тихо. Я хочу побывать со своими эфенселе.

— Удовольствие для меня, — пяясь, проговорила Эрефнаис и исчезла внизу.

Вейнте' обернулась к молчавшим спутницам и ласково взглянула на них:

— Ну вот мы и прибыли. Трудная дорога в новый мир, в Гендаси, заканчивается, впереди новые трудности — теперь придется создавать новый город.

— Мы поможем, приказывай, — отвечала Этдиирг, сильная и крепкая как скала, всегда готовая помочь. — Приказывай, пойдем на смерть.

В других устах такие речи могли бы показаться притворством, но только не в устах Этдиирг. Искренность проступала в каждом движении ее крепкого тела.

— Этого я не стану приказывать, — сказала Вейнте', — но прошу тебя быть рядом со мной, первой помощницей во всем.

— Сочту за честь.

Вейнте' обернулась к Икеменд, тоже готовой исполнить любое приказание.

— Ты будешь на самом ответственном месте. Наше будущее у тебя между большими пальцами. Тебе — заботиться о ханане и самцах.

Икеменд вздохнула, выражая разом согласие, удовольствие и преданность. Вейнте' ощущала теплоту их дружбы и поддержки, но тут же нахмурилась.

— Благодарю обеих, — сказала она, — оставьте меня. Пришли-те сюда Энге. Одну.

Урукето качнула большая волна. Вейнте' крепко вцепилась в грубою шкуру. Накативший от хвоста зеленый вал разбился о черную башню плавника. Соленая пена брызнула Вейнте' в лицо. Прозрачные мигательные мембранны, опустившиеся на глаза, медленно поднялись. Она не замечала капель воды, мысли ее были далеко; они опережали огромное существо, которое несло их по морю из самого Инегбана.

Впереди ее ждал Алпеасак, золотой пляж ее будущего... Высоко взлетала она в мечтах своих, едва покинув теплое море детства, и обошла многих из своего эфенбуру и эфенбуру многими годами ее старше. Хочешь подняться — лезь в гору. И наживай врагов. Но, как никто, Вейнте' знала, что надо уметь обзаводиться и союзниками. У нее было свойство помнить обо всех из своего эфенбуру, какое бы положение они ни занимали, и встречаться с ними при первой возможности. Тех, кто был равен ей или выше, она умела расположить к себе, младшие же в эфенбуру ею восхищались. В городе они были ее ушами и глазами, служили ей тайной силой. Без их помощи она не сумела бы добиться права на это путешествие, решиться на величайший риск. Ее ждал взлет — или падение. Пост начальницы Алпеасака, нового города, — важный пост. Назначение это позволило ей опередить многих. Но она могла потерпеть и неудачу, ведь в новом городе, самом далеком от Энтобана, ее поджидали серьезные проблемы. Если новый город не вырастет

вовремя, она падет так низко, что никогда не поднимется. Как Диисте, которую она сменит на посту эйстса нового города. Если она потерпит неудачу, ее тоже смесят. Такое было возможно, но рискнуть следовало. В случае успеха, на который все надеялись, она пойдет в гору и ничто не остановит ее.

Снизу поднялась и встала рядом знакомая илане', с которой были связаны и добрые, и горькие воспоминания. Вейнте' ценила дружбу всех из своего эфенбуру, она знала ей цену. Будущее Энге было туманным. Вейнте' хотела, чтобы ее эфенселе понимала, что ждет ее на берегу. Сейчас был последний шанс переговорить с глазу на глаз перед высадкой на берег. Внизу для этого слишком много настороженных ушей и внимательных глаз, там нельзя откровенничать, но все нужно сказать именно сейчас, и пусть эта глупость закончится навсегда.

— Мы уже возле берега. Впереди Гендаси. Капитан сказала мне, что мы прибудем в Алпеасак еще до вечера.

Энге молчала и лишь в знак согласия шевельнула пальцем. Жест не был оскорблением, но и не выражал никаких эмоций. Разговор начался неудачно, но Вейнте' не могла позволить себе разгневаться и отвлечься от главного. Она повернулась к своей эфенселе.

— От отцовской любви уйти в объятия моря — вот первая боль жизни... — начала Вейнте'.

— А первая радость — подруги, которые ждут там тебя, — закончила Энге знакомую фразу. — Я казню себя, Вейнте', я знаю, как ты страдаешь от моего эгоизма.

— Мне не надо ни извинений, ни твоего унижения, даже объяснений твоего из ряда вон выходящего поведения. Мне просто непонятно, почему и ты, и твои последовательницы не преданы позорной смерти. Но не буду говорить об этом — я думаю не о себе. Меня беспокоишь ты, и только ты. Не эти заблудшие существа внизу. Если у них хватило ума пожертвовать свободой ради вредной философии, значит хватит смекалки и на добрую работу. Город найдет для них применение. Он может использовать и тебя, и не в качестве заключенной.

— Я не просила развязывать меня.

— Тебе не надо было этого делать. Я приказала. Для меня позор, когда одна из моего эфенбуру связана, как преступница.

— Я никогда не желала опозорить ни тебя, ни наше эфенбуру. — В голосе Энге не было раскаяния. — И поступала в соответствии с собственными убеждениями. Их глубина полностью переменила всю мою жизнь... они могут изменить и твою, эфенселе.

Но все-таки приятно слышать, тебе стыдно. Это пробуждение — начало веры.

— Постой. Я стыжусь лишь за наше эфенбуру, которое ты опозорила. А сама я ощущаю лишь гнев — и не более. Сейчас мы вдвое, нас никто не слышит. Со мной будет покончено, если ты проболтаешься, но я знаю — ты не станешь причинять мне вред. Слушай же. Перед высадкой на берег тебя вновь свяжут, как и твоих подруг, но ненадолго. Едва уйдет судно, я освобожу тебя, ты будешь помогать мне. Алпеасак — моя судьба, я нуждаюсь в твоей помощи. Дай мне ее. Ты знаешь, какие ужасные события происходят ныне, что с севера дуют все более холодные ветры. Два города уже погибли, и нет сомнений, что Инегбан ждет та же участь. Усилиями прежних глав нашего города основан новый, еще более великий, город на этом дальнем берегу. Инегбан умрет, но Алпеасак будет жить. Я долго билась за право быть эйстаем нового города, я направлю его рост, буду готовить его к тому дню, когда в него переселится весь наш народ. Но мне нужна помощь. Мне нужны друзья, готовые усердно трудиться вместе со мной и вместе возвыситься. Я прошу тебя помочь мне, Энге. Будь со мной в этих нелегких трудах. Ты моя эфенселе. Мы вместе оказались в море, вместе росли, вместе вышли из него и стали подругами в одном эфенбуру. Нашу связь невозможно нарушить. Помоги мне, будь рядом со мной, возвысься, будь моей правой рукой. Ты не можешь отказать мне. Согласна?

Голова Энге склонилась. Сложив молитвенно руки, она подняла глаза:

— Я не могу. Я связана с подругами, Дочерьми Жизни, связью более сильной, чем со своим эфенбуру. Они следуют за мной.

— Ты привела их в ссылку, в дикие края, на верную смерть!

— Надеюсь, что нет. Я только учила их пониманию мира. Я пересказала им истины, открытые Угуненапсой, которые даровали ей вечную жизнь. Не только ей — мне, всем нам. Просто ты и другие илане' слепы и ничего не видите. Одно только может вернуть зрение — память о смерти позволит узнать жизнь.

Вейнте' была вне себя и на миг потеряла дар речи, по-детски протянув к Энге руки. Она видела — пылающие ладони Энге были обращены к ней в самом оскорбительном из жестов. Еще более разгневало ее то, что Энге не растрогала проявленная забота, не огорчил гнев.

— Не надо, Вейнте'. Если мы вновь окажемся вместе, обнаружится нечто более важное, чем наши желания, чем преданность эфенбуру...

— И преданность городу?

— Да... Это важнее всего на свете.

— У меня нет даже слов. Ты предала все, чем мы живем, и я презираю тебя. Все илане' от яйца времен живут как положено илане', и в этот порядок, словно паразит в живую плоть, вгрызается твоя презренная Фарнексеи, проповедующая возмутительную чушь. К ней относились с терпением, но она настаивала на своем, получила предупреждение, но не образумилась... пока не осталось единственного выхода — изгнать ее из города. Но она не умерла, первая из вас, живых покойниц. И если бы не спасительница Оллесааг, она до сих пор жила бы и проповедовала.

— Угуненапсой звали ее потому, что устами ее говорила великая правда. Оллесааг-разрушительница уничтожила ее тело, но не откровение.

— Имя дается, она была Фарнексеи — «ищущая». Она забыла про осторожность и за это умерла. Такой конец ждет и вашу детскую веру, место которой среди кораллов и водорослей. — Вейнте' глубоко вздохнула, пытаясь сдержать себя. — Разве ты не понимаешь, что я тебе предлагаю? Последний шанс. Жизнь вместо смерти. Будешь со мной — и поднимешься. Если эта низменная вера важна для тебя, верь в глубине сердца, но молчи, не говори о ней ни мне, ни другим илане', спрячь под плащ, где ее никто не увидит. Сделай это.

— Не могу. Правду нельзя спрятать.

С яростным ревом Вейнте' схватила Энге за шею, больно ткнув большими пальцами в гребень, и ударила лицом в неподатливую поверхность плавника урукето.

— Вот тебе правда! — закричала она, разворачивая Энге лицом к себе, чтобы до той дошло каждое слово. — Правда в том, что я сую в птичье дермо твою круглую, как луна, рожу. И еще правда в том, что тебя ожидает новый город, окруженный дикими джунглями, тяжелая работа, грязь, отсутствие всех привычных удобств. Такова будет твоя судьба, и, уверяю, смерть ждет тебя, если ты не откажешься от своего высокомерия, не прекратишь этого жалкого визга.

Услыхав тихие шаги капитана, которая была ошеломленаувиденной сценой и теперь пыталась незаметно уйти, Вейнте' крикнула, толкнув Энге на карниз:

— А ну сюда! Что значит это шпионство?!

— Я не хотела... высочайшая, у меня не было дурных намерений, я уйду, — забормотала Эрефнаис, не прибегая к тонкостям и пышным фразам: так велико было ее смущение.

— Что привело тебя сюда?

— Пляжи... Я просто хотела показать вам пляжи, белые родильные пляжи. Вон там, к ним мы и направляемся.

Вейнте' обрадовалась, что отыскалась причина закончить эту отвратительную сцену. Отвратительную — ведь она позволила себе вспышку гнева. Подобное она допускала нечасто, потому что прекрасно понимала, какое оружие отдает в чужие руки. Теперь вот капитан разнесет новость, и ничего хорошего не получится. А во всем виновата Энге, строптивая, неблагодарная, глупая Энге. Теперь ее ждет судьба, которую она заслужила. Не отводя глаз от зеленого берега, Вейнте' прислонилась к стенке, гнев ее утихал, дыхание замедлялось. Энге поднялась на ноги: она тоже хотела взглянуть на пляж.

— Мы подойдем поближе, — произнесла Эрефнаис, — поближе к берегу.

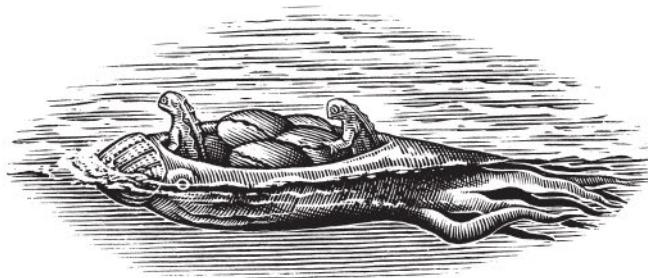
«Наше будущее, — думала Вейнте', — первый восторг, первые яйца, первые рождения, первое подрастающее в море эфенбуру».

Гнев ее улегся, она едва не улыбнулась, представив себе жирных ленивых самцов на пляжах. Молодняк, блаженствующий в сумках у них под хвостами. Первое рождение — памятное событие в новом городе.

Экипаж сумел заставить урукето подойти близко к берегу, почти в самые буруны, вдоль которого тянулись пляжи, прекрасные пляжи...

Энге и капитан остолбенели. Громко, с мукой в голосе, закричала Вейнте'.

На ровном песке валялись изуродованные трупы.



3

Крик резко оборвался. Когда Вейнте' заговорила снова, из ее слов исчезла вся многозначительность, вся утонченность и отточенность речи. Только обнаженные кости смысла, только безжалостная и жесткая необходимость.

— Капитан, немедленно отправить на берег десять сильнейших членов экипажа. Выдать всем хесотсаны. Пусть урукето остается на месте. — Она выглянула наружу, опершись на плавник, и показала на Энге. — Ты пойдешь со мной.

Зацепившись когтями ног за шкуру урукето и помогая себе руками, Вейнте' выбралась на спину животного и нырнула в прозрачное море. Энге чуть отставала.

Они вынырнули из волн прибоя возле трупа самца. Мухи густо усеяли многочисленные раны с запекшейся кровью. Зрелице это заставило Энге пошатнуться, словно ее качнул невидимый ветер, она сплела пальцы, не замечая того, — детский знак боли.

А Вейнте'? Она стояла спокойно, с непроницаемым лицом, только глаза метались по сторонам.

— Я хочу отыскать тех, кто это сделал, — произнесла она невозмутимым тоном, ступив вперед и склонившись над телом. — Эти существа убивали, но не ели. У них длинные когти, клыки или рога — погляди на эти раны! Видишь? Убиты ведь не только самцы, но и няньки. Где же стражи?

Она повернулась, из моря навстречу ей спешили командир и вооруженные члены экипажа.

— Растворитесь в шеренгу, оружие наготове, прочешите весь пляж! Найдите охрану, которая должна была находиться здесь, и вместе отправляйтесь по следам. Вперед! — Вейнте' проследила за ними и обернулась, когда Энге позвала ее.

— Вейнте', я даже представить не могу, какое животное нанесло эти раны: повсюду одиночные проколы или разрезы, словно у этого зверя один рог или клык.

— У ненитеска на конце морды один грубый рог и у хурукаста тоже один рог.

— Это гигантские, неповоротливые, глупые твари, они не способны на подобное. Ты сама говорила мне, что здешние джунгли опасны. Здесь могут оказаться другие звери, стремительные и коварные.

— Но где же охрана? Опасности им известны, почему они не справились со своим делом?

— Она была здесь, — проговорила Эрефнаис, медленно возвращаясь по песку, — все мертвы. Убиты.

— Это невозможно! А их оружие?

— Не использовано и полностью заряжено. Это существо... существа... они смертельно опасны.

Одна из членов экипажа издали окликнула их, но на таком расстоянии голос ее был едва слышен, а знаки непонятны. В большом возбуждении она бежала к ним.

— Я нашла след... идите сюда... там кровь! — (Вейнте' наконец разобрала слова. Нескрываемый ужас был в этом голосе.) — Я шла по следу, высочайшая, — заговорила иилане', указывая на деревья. — По-моему, существ было по крайней мере пять — столько было следов, и все кончаются у воды. Они исчезли. Но есть кое-что еще, это следует видеть.

— Что?

— Место убийства... Там много костей и крови, и еще... Увидишь сама.

Не дойдя до места, они услышали сердитое жужжение мух. Там действительно были следы страшного убийства, но было и нечто куда более важное. Проводница молча показала на землю.

Там лежала кучка углей и пепла, из которой еще вился серый дымок.

— Огонь? — громко произнесла Вейнте', озадаченная увиденным, как и остальные. Ей уже приходилось видеть огонь, но он ей не понравился. — Назад, дура! — крикнула она, когда капитан сунулась к тлеющим углям. — Тут огонь. Он очень горячий и жжется.

— Я не знала, — стала извиняться Эрефнаис. — Я только слыхала о нем, но никогда не видела.

— А вот кое-что еще, — продолжила говорившая, — на берегу оказалась грязь. Она засохла под лучами солнца. И на ней следы. Очень четкие. Я взяла один, вот он.

Вейнте' подошла и склонилась над потрескавшимся куском глины с углублениями в твердой поверхности.

— Невелики, очень невелики, они ниже нас. Такие мягкие ступни, нет и следа когтей. Цо! Считайте. — Она выпрямилась и обернулась к сопровождавшим, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами. — Пять пальцев, а не четыре, как у нас. Кто знает зверей с пятью пальцами?

Молчание было ей ответом.

— Здесь столько тайн. Мне не нравится это. Сколько вокруг стражниц?

— Три, — ответила Эрефнаис, — по одной у каждой оконечности пляжа, третья в середине.

Она умолкла. Из подлеска, треща ветками, на берег выскочила еще одна из экипажа.

— У берега лодка, — доложила она, — небольшая.

Вейнте' вышла из-за деревьев и заметила покачивающуюся на волнах небольшую лодку, груженную какими-то емкостями. Одна из иилане' придерживала на волнах живое суденышко, чтобы не удрало, еще две таращились на трупы на пляже. Заметив Вейнте', они переглянулись. На шее одной из них блеснуло ожерелье из крученої проволоки. Вейнте' пристально оглядела ее.

— Если ты эсекасак, та, что защищает родильные пляжи, почему ты не спасла своих подопечных?

Ноздри эсекасак расширились от ярости.

— Кто ты, чтобы так разговаривать со мной?

— Я — Вейнте'. Теперь я эйстaa этого города. Живо отвечай на мой вопрос, низкая, я теряю терпение.

Эсекасак почтительно прикоснулась к губам и отступила на шаг.

— Извини меня, высочайшая, я не знала. Потрясение, эти смерти...

— Ты в ответе за них. Где ты была?

— В городе, я ходила за пищей и новой сменой.

— Сколько времени ты отсутствовала?

— Всего три дня, высочайшая, как всегда.

— Как всегда? — Вейнте' душила ярость. — Я не понимаю твоих слов. Почему ты морем отправилась в город? Где же терновая стена, где линии обороны?

— Они еще не подросли, высочайшая, и ненадежны. Реку уже очистили и углубили, но еще не совсем освободили от опасных зверей. Решили безопасности ради родильные пляжи временно оставить на берегу океана.

— Безопасности ради? — Более Вейнте' не могла сдержать гнева. Показывая на трупы, она завопила: — Вот они — все убиты! Ты виновата! Лучше бы ты погибла вместе с ними. За это величайшее из преступлений я требую самого строгого наказания. Ты изгоняешься из города, из числа говорящих, будь среди безъязыких! Долго ты не проживешь, но, пока жива, будешь помнить, что твоя собственная ошибка, твоя безответственность, уклонение от обязанностей навлекли на тебя наказание!

Вейнте' шагнула вперед и, большими пальцами схватившись за металлическую эмблему высокого поста, сорвала ожерелье с эсекасак. Затем, бросив ожерелье в прибой, она затянула литанию деперсонализации:

— Я лишаю тебя поста! И все присутствующие лишают тебя поста за безответственность. Каждая жительница Инегбана, города нашего и дома, каждая живущая илане' лишает тебя гражданства. А теперь я забираю твое имя, никто из живых не произнесет его, но все будут помнить тебя, злую тьму. Возвращаю тебя к обмыянным и бессловесным! Ступай!

Вейнте' указала на бушующий океан, ужасающий своим гневом. Деперсонализированная эсекасак рухнула на колени, распростерлась на песке у ног Вейнте'. Слова ее едва можно было понять.

— Нет, только не это, умоляю! Не моя вина, это Диисте приказала, она заставила нас. Рождений не было, но она не укрепляла сексуальную дисциплину. Меня в этом нельзя винить, иначе не было бы рождений. В случившемся виновата не я...

Голос ее постепенно слабел, судорожные движения конечностей замедлились и остановились.

— Поверните ее! — приказала Вейнте'.

Эрефнаис сделала знак двум членам экипажа, которые перевалили обмякшее тело на спину. Глаза умирающей еще глядели, но дыхание затихло. Она умирала. Правосудие свершилось. Вейнте' одобрительно кивнула и тут же забыла о несчастном создании — осталось еще столько дел.

— Эрефнаис, останешься здесь и проследишь, чтобы тела убрали, — распорядилась она, — а потом веди урукето к городу. Я отправлюсь в этой лодке. Хочу видеть эту эйстуа Диисте, которую я должна сместьть.

Когда Вейнте' забралась в лодку, охранница, находившаяся возле нее, смиренным жестом попросила разрешения заговорить.

— Встретиться с Диисте невозможно. Она мертва уже много дней. Лихорадка... Она умерла в числе последних.

— Значит, мое прибытие слишком запоздало.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА	9
Книга первая.....	13
Книга вторая.....	201
ЗИМА В ЭДЕМЕ	401
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ	703
ПРИЛОЖЕНИЕ	967
Благодарности	1020

Гаррисон Г.

Г 21 К западу от Эдема ; Зима в Эдеме ; Возвращение в Эдем : романы / Гарри Гаррисон ; пер. с англ. Ю. Соколова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 1024 с. — (Мир фантастики). ISBN 978-5-389-12308-3

Сага о земном мире, пошедшем в своем развитии не тем путем, каким он следует до сих пор. Глобальная катастрофа, из-за которой вымерли на планете гигантские ящеры, обошла Землю стороной, и рептилии, в процессе эволюции обретя разум, создали собственную цивилизацию, нисколько не похожую на людскую. Выращенные из семян города, матриархат, коллективный разум, генетически перестроенные животные... И мир людей, противостоящий им, — чуждый, враждебный и агрессивный. Кто живет в постоянных битвах — люди или иилане', как на языке этого мира называют расу рептилий? Кому принадлежит будущее?

Трилогия Гарри Гаррисона — признанная классика жанра и имеет бесчисленное число почитателей во всем мире.

Издание проиллюстрировано работами английского художника Билла Сандерсона.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сос)-445

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН
К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА
ЗИМА В ЭДЕМЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ

Ответственный редактор Александр Етоев

Художественный редактор Сергей Шикин

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Елена Терская, Валерий Каменко

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.11.2016. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 64. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



**ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

**Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/**